

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ЕС И РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЙ РАКУРС

В.И. Якунин

Более полувека Европейский союз идет по пути экономической и политической интеграции. Произошло масштабное расширение Союза, введена единая валюта евро. Впрочем, евроинтеграции сопутствуют и острые проблемы экономического и политического характера. Существенно, что они *усугубляются* развернувшимся глобальным финансовым кризисом.

На ближайшие 5–10 лет перспективы развития ЕС будут определяться тем, каким образом он сможет решить свои ключевые проблемы, актуальность которых значительно возросла в первой декаде XXI в. Перейдем к их анализу.

I. Внутриполитические проблемы ЕС

1) Реформа институционального устройства

Проблема институционального устройства ЕС связана с вопросом политической интеграции стран — членов Союза, уровень которой отстает от уровня экономической интеграции. Общий рынок и валютный союз до сих пор не имеют общего правительства. После неудачи с конституционным проектом страны ЕС на время отказались от попыток форсированного политического сплочения, приняв вместо «Конституции для Европы» Лиссабонский договор (2009 г.), который лишь зафиксировал достигнутый уровень интеграции, только отчасти решив вопрос институтов.

В Договоре не говорится о приоритете европейского права над национальным, что является серьезным препятствием на пути к созданию «брюссельского супергосударства». Структуры Евросоюза не могут сами наделять себя все новыми полномочиями.

Глубинной проблемой остается процедура голосования в Совете

ЕС. Попытки ограничения права «вето» натолкнулись на противодействие государств-членов, которые не желают передавать свой суверенитет в вопросах внешней, налоговой политики, политики безопасности и обороны на наднациональный уровень. Введение Лиссабонским договором принципа «двойного большинства» (с 2014 г.), которое якобы должно ограничить влияние Германии, Великобритании и Франции, в действительности не окажет существенного влияния на принятие решений, так как традиционно вместе с перечисленной «большой тройкой» в Совете ЕС голосует Италия.

Хотя Европарламент и приобрел некоторые новые компетенции, однако говорить об их существенном расширении, как это делают некоторые европейцы, ошибочно.

В результате пока и на ближайшую перспективу (пять лет) ЕС, скорее, останется союзом государств, а не союзным государством, которым его хотят видеть многие эксперты.

Следует отметить, что по итогам экономического кризиса, который подорвал доверие населения к институтам ЕС, задача усиления наднациональных институтов ЕС значительно усложняется. Впервые уровень недоверия к ЕС превысил уровень доверия (рис. 1).

2) Внутриполитическая консолидация, проблема адаптации и полной интеграции новых стран-членов

Расширение ЕС 2004 и 2007 гг. сильно затруднило процесс интеграции стран-членов. Двадцать семь государств не могут сотрудничать так же монолитно, как в свое время шесть стран-основателей. Процесс принятия решений стал затруд-

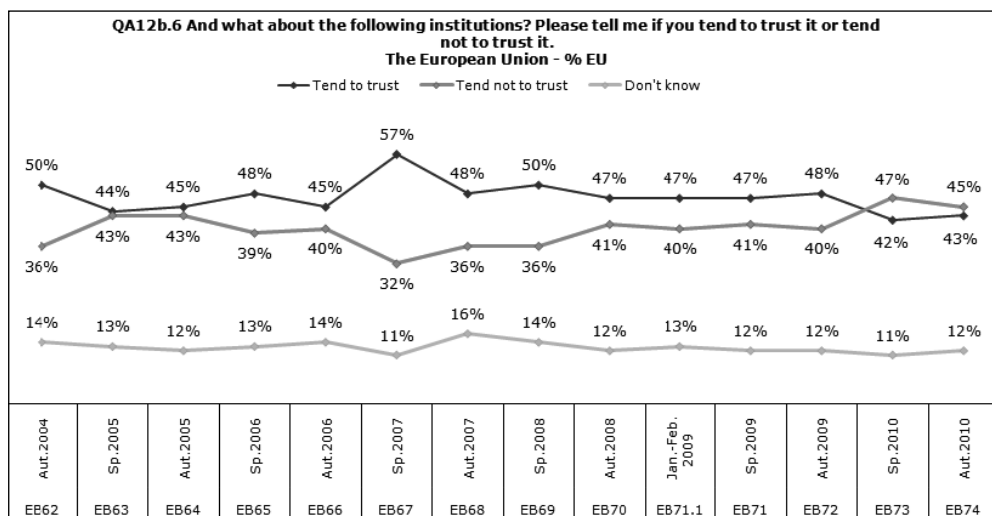

Рис. 1. Доверие и недоверие к ЕС

Map 2.2.1: GDP per inhabitant, in PPS, by NUTS 2 regions, 2007 (as percentage of EU-27 = 100)

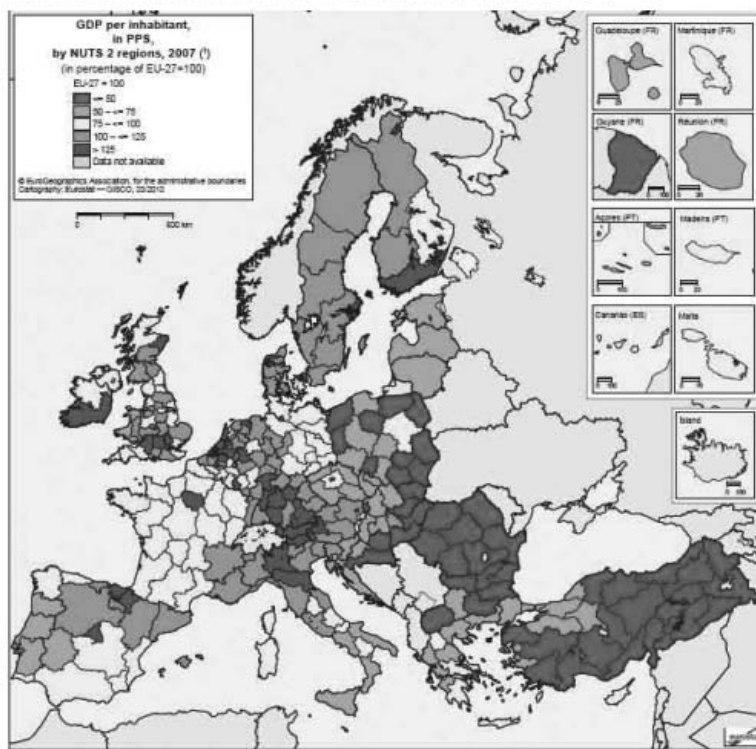

Рис. 2. Различия экономик стран — членов ЕС

нителен из-за возросшего количества голосов, гетерогенности экономик членов группировки и различий их интересов (рис. 2).

Проблему выравнивания уровня экономического развития стран Старой и Новой Европы значительно осложнил финансово-экономический кризис 2008–2009 гг.

Глобальный кризис сбил экономику новичков ЕС, его последствия оказались для них более тяжелыми, чем для других стран. Это было неожиданным. Прогнозы Всемирного банка, МВФ, рейтинговых агентств с осени 2008 г. стали для новых стран ЕС ухудшаться, однако предполагалось, что их экономика лишь замедлит рост, избежав спада.

Действительность оказалась хуже: экономика почти всех новичков ЕС совершила «жесткую посадку». Уже в четвертом квартале 2008 г. ВВП в Венгрии, Словении и странах Балтии сократился в годовом выражении. В 2009 г. негативные тенденции усилились. Наиболее глубокой рецессия оказалась в странах Балтии, где сокращение ВВП составило от 16 до 20%. Но и в Центрально-Восточной Европе спад был стремительным. Инвестиции замерли, строительный бум закончился, промышленное производство резко сократилось.

С учетом экономического отставания, которое, вероятно, закрепилось в странах-новичках на ближайшую перспективу, а также в отсутствие легальных способов влияния на принятие ключевых решений в ЕС, страны Новой Европы, судя по всему, и в дальнейшем будут продолжать политику шантажа крупных стран ЕС и наднациональных институтов (как это делали Литва и Польша во время переговоров с Россией), что ставит под удар дальнейшую политическую консолидацию стран — членов союза.

3) Проблема демократической легитимации принимаемых решений, или «Дефицит демократии»

О «дефиците демократии» в ЕС впервые заговорили в середине 80-х годов

XX в. Прежде наличие в Евросоюзе политического компонента не принято было замечать — тем более что он был действительно невелик. Считалось, что интеграционные институты политически нейтральны, а принимаемые ими решения основаны на консенсусе. Однако по Единому европейскому акту 1986 г. существенные властные полномочия были переданы на европейский уровень при отказе от национального вето в принятии ряда решений, тогда как адекватного парламентского или судебного контроля над использованием этих наднациональных полномочий обеспечено не было. Попытку решить вопрос демократической легитимации принятием Лиссабонского договора следует признать не вполне удачной. Основные решения на уровне ЕС продолжают приниматься, по сути, исполнительной властью (в первую очередь Советом министров и Европейским советом, в которые входят министры и главы государств и правительств стран — членов ЕС). Предписанные Лиссабонским договором открытые заседания при обсуждении и принятии законов усилият прозрачность принимаемых решений, но не их демократическую легитимацию. Она останется опосредованной — представитель правительства Германии, например, может голосовать в Совете за тот или иной закон лишь в том случае, если 2/3 Бундестага и Бундесрата дадут свое согласие. Именно поэтому любой общеевропейский договор, предполагающий существенные изменения процессов интеграции, не минуя национальных парламентов, Именно в зависимости от них он получит свою демократическую легитимацию.

В этом отношении реформа Европарламента с позиций усиления европейского единства неудачна.

Лиссабонский договор существенно расширил компетенции Европарламента в вопросах внутреннего развития ЕС. Однако, сколько бы компетенций данному, как называют его критики, «Страс-

бургскому собранию» ни передавали, непосредственной демократической легитимации ему это не прибавит, его суть остается неизменной. Говоря о Европарламенте как «непосредственном представителе граждан и граждан» на уровне ЕС (ст. 10-2 Договора о ЕС), Лиссабонский договор выдает желаемое за действительное, старается изобразить его представительство народа в целом.

Однако на деле в Европе нет единого народа-суверена, а есть народы государств — членов ЕС. Если же «европейского народа» нет, то и выбирается парламент не напрямую, не по принципу равенства голосов, не в политической борьбе «европейских партий», а в государствах — членах ЕС и на основании предусмотренного для этих государств числа мандатов. Раз в ЕС нет народа-суверена, то нет в нем и политических партий. «Политические семьи», образующие фракции Европарламента, в демократическом смысле партиями не являются, так как не имеют реального электората. Предвыборная борьба за членство в Европарламенте ведется на уровне национальных государств, поэтому люди выбирают не «европейские», а свои национальные партии, причем в по-

следние годы у депутатов, выдвигаемых этими партиями в Европарламент, хорошим тоном стало в ходе предвыборной борьбы обещать избирателям защитить их от «брюссельского Молоха».

II. Экономические проблемы

1) Преодоление последствий кризиса

Формально кризис в Европе начался еще 9 августа 2007 г., когда первым о своих потерях на рынке ипотечного кредитования США объявил французский банк BNP Paribas. Обвальное падение курсов акций в ЕС началось во втором квартале 2008 г. Индексы ценных бумаг от максимальных значений середины 2007 г. упали на 30–50%, а разного рода деривативы полностью обесценились. До конца 2008 г. кризис унес с биржевых торговых площадок Европы в общей сложности 30 трлн долл. С середины ноября 2008 г. 15 стран — участниц еврозоны погрузились в рецессию. В результате индекс делового доверия потребителей сократился на 30 пунктов до наименьшего, начиная с 1993 г., значения, а индекс общей деловой активности в ЕС — до значений, не наблюдавшихся с 1985 г.

Экономический спад и медленный процесс восстановления после кризи-

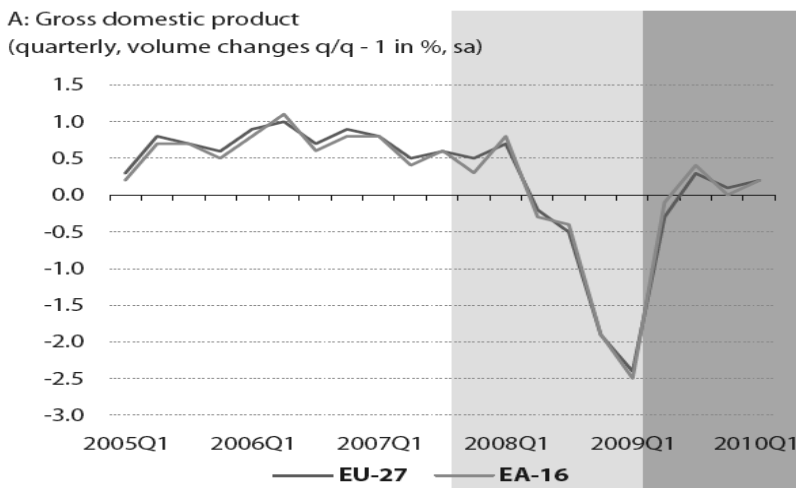

Рис. 3. Развитие кризиса в Европе

са можно проследить по динамике поквартального роста (в %) ВВП стран ЕС (EU27) и еврозоны (EA-16). Хотя спад ВВП был преодолен еще в 2009 г., рост ВВП в 2010 г. не превышал 0,5% (рис. 3).

Следствием экономического спада стало ухудшение ситуации на рынке труда. Спрос на рабочую силу упал, начались увольнения, выросла безработица, с которой регион до кризиса успешно боролся.

Кризис в Греции и балансирование на грани финансового обвала таких стран, как Португалия, Испания и Италия (все четыре страны в ЕС принято называть PIGS), породили у экспертов сомнения в возможности дальнейшего существования и успешного функционирования «зоны евро». Наиболее остро в 2008 и 2009 гг. встала проблема дефицита бюджета, потолок которого на уровне ЕС (3% от ВВП, согласно Пакту стабильности) превысили более 50% стран-членов (рис. 4).

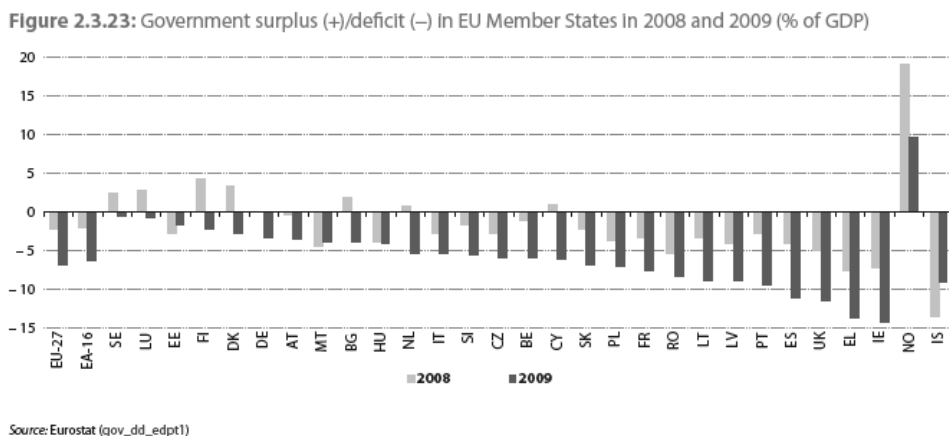

Рис. 4. Дефицит бюджета европейских государств

Однако с учетом временных послаблений в бюджетной дисциплине, а также благодаря скоординированным действиям правительств стран — членов ЕС (в первую очередь Франции и Германии) тотального обвала удалось избежать. Тем не менее доверие населения ЕС к финансовым институтам, резко упавшее во время кризиса, еще только предстоит восстановить (рис. 5).

Экономический кризис (как и все предшествующие кризисы) привел к росту национализма, однако экономические проблемы приводят и к сплочению стран-членов перед лицом экономических неурядиц. Например, в энергетической политике ЕС. Однако после провала климатического саммита ООН в Копенгагене ЕС столкнулся с тем, что

обязательные цели по сокращению выбросов углекислого газа и развитию альтернативной энергетики не так-то просто навязать развивающимся странам (в первую очередь Китаю) и США. Следовательно, формирование рынка сбыта для «зеленых технологий», в развитие которых активно вкладывается ЕС, может оказаться делом далекого будущего.

2) Энергетические проблемы

Зависимость от внешних поставщиков энергии остается одной из главных проблем ЕС. Из-за импорта энергоносителей в ЕС наблюдается дефицит торгового баланса (рис. 6).

В результате дефицита торгового баланса растет государственный долг стран — членов ЕС (рис. 7).

In this country, do you have confidence in each of the following, or not? How about financial institutions or banks?

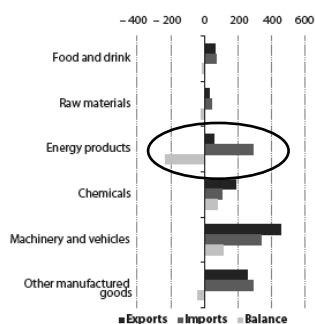
	% Confident before collapse	% Confident after collapse	Change (in percentage points)
Ireland	68	25	-43
Romania	53	32	-21
United Kingdom*	56	36	-21
Portugal*	64	44	-21
Spain	52	36	-16
France	54	39	-15
Germany	54	43	-11
Slovenia*	63	54	-10
Hungary	50	41	-9
Poland	60	51	-9
Cyprus	68	66	-2
Italy	25	35	10

*Values were rounded to the nearest whole number.

GALLUP POLL

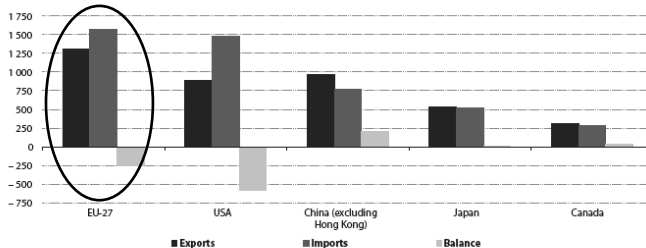
Рис 5. Падение доверия к институтам

Figure 2.5.2: EU-27 exports, imports and balance, by SITC-1 product group, 2009 (billion EUR)

Source: Eurostat (bet00061)

Figure 2.5.1: Main world traders: exports, imports and balance, 2008 (billion EUR)

Source: Eurostat (bet00018)

Рис 6. Проблема дефицита торгового баланса ЕС

Планы по формированию новой энергетической политики ЕС увеличат потребление произведенной внутри ЕС энергии (за счет развития возобновляемой энергетики) лишь до 20% от общего потребления энергии к 2020 г.

Атомная энергетика (развитие которой в ЕС активно лоббируется Францией) и которая могла бы обеспечить ЕС недорогой и стабильной энергией, вероятно, под влиянием событий в Японии переживает еще один период «забвения»

Figure 2.3.25: Public debt at the end of 2008 and 2009 (% of GDP)

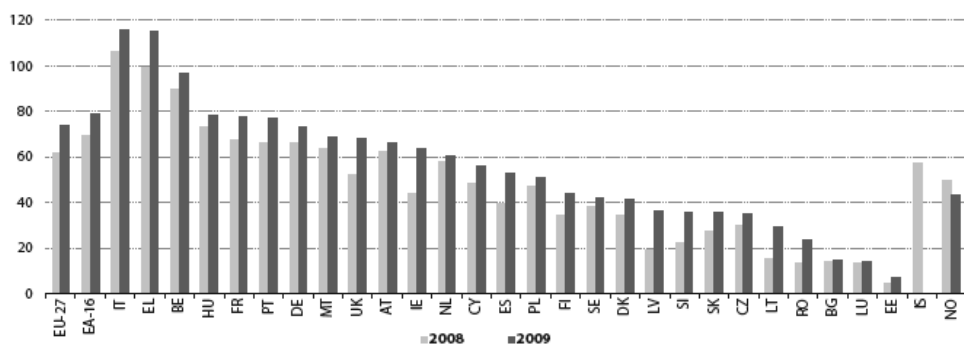

Рис. 7. Государственный долг стран — членов ЕС

(второй после катастрофы на Чернобыльской АЭС).

III. Социальные проблемы

1) Проблема формирования европейской идентичности

Проблема культурного единения Европы приобретает в последнее время политическое измерение. Для восстановления статуса мирового субъекта политического действия Евросоюзу необходимы не только общая экономика и общие финансы, но и общая политическая культура, возможная лишь на базисе общей европейской идентичности.

Методом формирования европейской идентичности видится «возвращение к корням» (греческим, римским, христианским, Просвещению). Лиссабонский договор сохранил в преамбуле предложенную «Конституцией» ссылку на «культурное, религиозное и гуманистическое наследие», на котором развились универсальные ценности: «права человека, свобода, демократия, равенство и правовая государственность». В то же время ссылка на христианские корни, которой в годы работы над проектом «Конституции» добивались отдельные страны (в частности, Польша и Италия), принята не была. Причины этому — ведущиеся с Турцией переговоры о вступлении в ЕС, и тот факт, что удельный вес активных, посещающих церкви хри-

стиан в масштабах всей Европы невелик, а вот активных мусульман в ней становится все больше. Причем речь идет о возникших в ходе притока иммигрантов мусульманских диаспорах ряда государств «старой Европы».

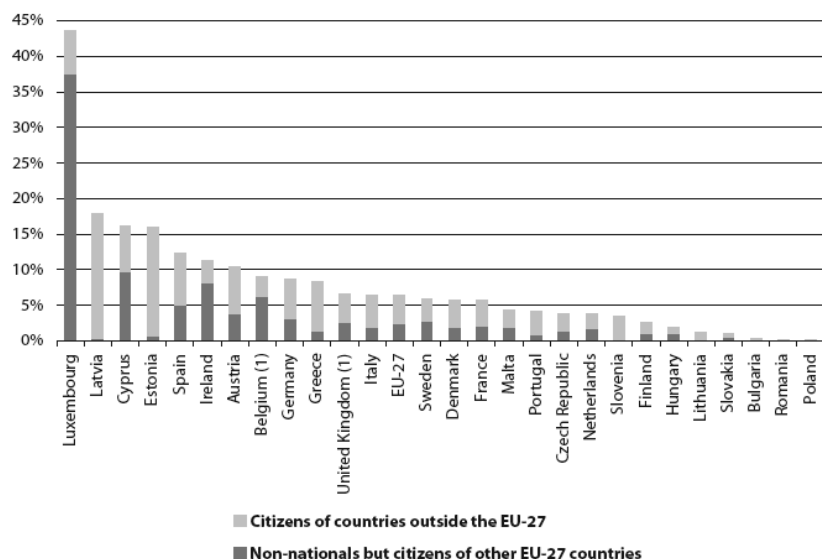
Следующий вектор, по которому формируют европейскую идентичность, — создание общей «культуры памяти». Однако и тут возникают новые линии раздела внутри Европы». Старые «образы врага» необычайно живучи — например в Греции, стране, связанной с Германией тесными европейскими узами, в ходе эскалации финансового кризиса припомнили немцам все их грехи, а особенно — неуплату репараций по результатам Второй мировой войны.

2) Крах мультикультурализма

Впервые в современной истории Европа предстает как «континент мигрантов». Из 375 млн человек, населявших 15 западноевропейских государств — членов Евросоюза до его расширения, численность легальных мигрантов составила уже 44 млн человек. Почти во всех западноевропейских странах доля иммигрантов и их детей достигает 10% и более. Примерно треть мигрантов — это выходцы из других стран Западной и Центральной Европы, но на долю неевропейских мигрантов приходится более половины. Пополнение населения Европы мигрантами именно этого рода — новое для нее

Figure 2.1.1: Non-national residents, 2009

(% of total population)

(1) 2008.

Source: Eurostat (migr_pop1ctz)

Рис. 8. Доля инокультурных иммигрантов

явление, порождающее усиление конфликтности на ее культурном пространстве. Приток в Европу миллионных масс из остальных регионов мусульманского Востока, Азии и Африки существенно усложняет процессы формирования европейской идентичности (рис. 8).

Толчком к усилению антииммигрантских настроений послужил экономический кризис. Европейцы воспринимают иммигрантов как социальных изживенцев и конкурентов на рынке рабочей силы. За два кризисных года доля немцев, заявляющих о «враждебном отношении к иностранцам», возросла с 21 до 25% (в западной части Германии — с 32 до 35%). 60% высказались за то, чтобы депортировать всех иностранцев на их родину в случае нехватки в стране рабочих мест.

Обострилась проблема иммигрантов после последних событий в Северной Африке, в результате которых возросло количество беженцев. В итоге ЕС впер-

вые пошел по пути сворачивания интеграции. Внутри Шенгенской зоны может быть введен пограничный и таможенный контроль. К такому решению пришли главы МВД стран Евросоюза. Дания уже ввела и пограничный, и таможенный контроль.

Но в перспективе Европу неизбежно ожидает увеличение неевропейских меньшинств, и в особенности мусульман. Прогнозы говорят, что численность мусульман Евросоюза удвоится к 2015–2025 гг. Есть прогнозы, что в середине столетия мусульман в Европе может стать больше, чем немусульман.

Особую опасность таит в себе на фоне краха мультикультурализма отсутствие иной модели, которая могла бы успешно сосуществовать с либеральной идеологией европейского общества.

Принцип равноправного сосуществования культур, лежащий в основе этой модели, противоположен идее интеграции, приобщения одной культурной

идентичности к другой. Будучи теоретически привлекательным, на практике он нередко приводит к конфликтам, провоцируя сепаратистские стремления (Косово, Квебек в Канаде, Северный Кавказ в России и т.д.). С мультикультурализмом британские политики связывают ослабление социальной сплоченности, австралийские — угрозу современной демократии и культуре большинства, а также дороговизну государственных расходов и программ, обеспечивающих «мультикультурную» политику. По сути, это идеология фрагментации и поддержания социальной исключенности, препятствующая консолидации нации-государства.

Целенаправленная политика «поддержания единства в разнообразии» не оправдала себя и на практике. Только 1% коренных британцев имеют близких друзей из инокультурных общин. Самое толерантное общество в Европе — германское — в большинстве своем поддержало взгляды, высказанные в нашумевшей книге Тило Сарацина. Он прогнозирует интеллектуальную деградацию нации, учитывая, что через четыре поколения потомки малограмотных мигрантов составят более 70% населения страны. Констатируется провал демографической, социальной, миграционной и образовательной политики Германии, как и всей Европы. Согласно опросу газеты *Bild*, 89% жителей Германии разделяют его позицию. Кстати сказать, это опыт и предупреждение России, которой сейчас пытаются предложить массовую иммиграцию для решения проблем на рынке труда.

Процессы глобализации привели не только к проникновению западных культурных и социально-политических стандартов и ценностей в незападные общества, но и к инфильтрации в Европу антизападных ценностей и норм поведения, включая радикальных противников западной общественной системы, пред-

ставляющих прямую угрозу ее социально-политической стабильности.

Напряжение нарастает. Ощущение интегрированности в окружающее их общество испытывают только 46% мусульман Франции, 35 — Германии, 10% — Великобритании. Отчужденность от европейского общества не только не ослабевает, а, напротив, усиливается.

3) Безработица

Расширение ЕС 2004 и 2007 гг. прибавило к уже существующим безработным в ЕС-15 4,8 млн человек. Проблема обострилась в ходе экономического кризиса и приобрела характер проблемы номер один (рис. 9).

Интересно отметить, что активный вывод производства в страны периферии в ходе реализации проекта постиндустриализма привел к тому, что эта проблема едва ли будет решена в кратчайшие сроки.

IV. Демографические проблемы

1) Старение коренного населения

Демографическое старение Европы — широко известный факт. Экономике крупнейших стран ЕС уже ощущают на себе разрушительное воздействие этого процесса. Старение коренного населения, по подсчетам *Deutsche Bank*, уже обошлось Европе дороже, чем крупная война. Увеличение доли пожилых людей означает неизбежную нагрузку на систему здравоохранения и рост пенсионных отчислений.

Для решения этой проблемы Европа вынуждена проводить прагматичную миграционную политику. В 2011 г. ожидалось введение «голубой карты» по типу американской «грин-карты», чтобы привлечь в ЕС иммигрантов для работы именно в те сектора экономики, которые испытывают нехватку рабочей силы. Однако увеличение доли иммигрантов (даже высококвалифицированных) таит в себе ряд дополнительных национальных и культурных рисков, учитывая крах мультикультурализма, описанный выше.

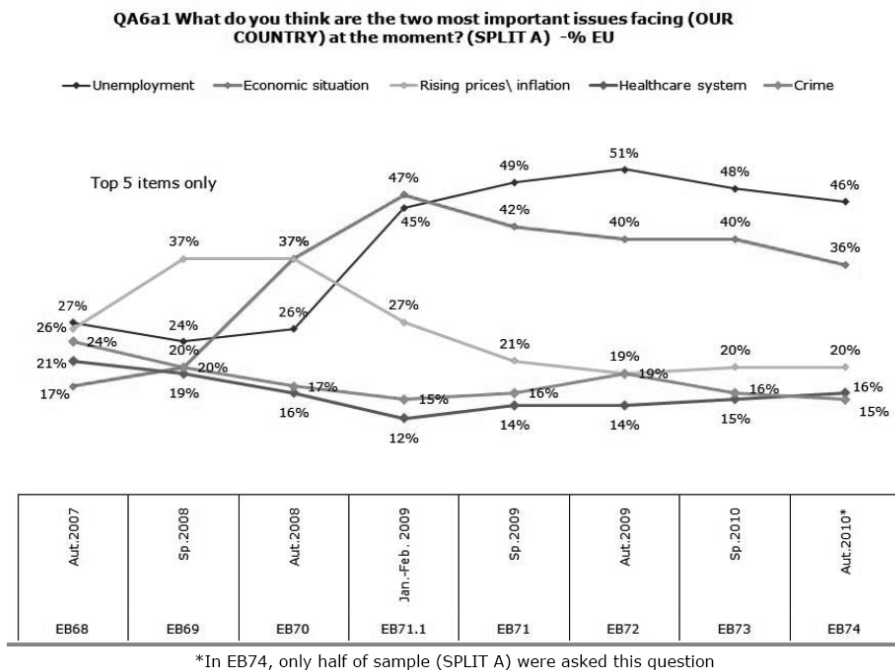
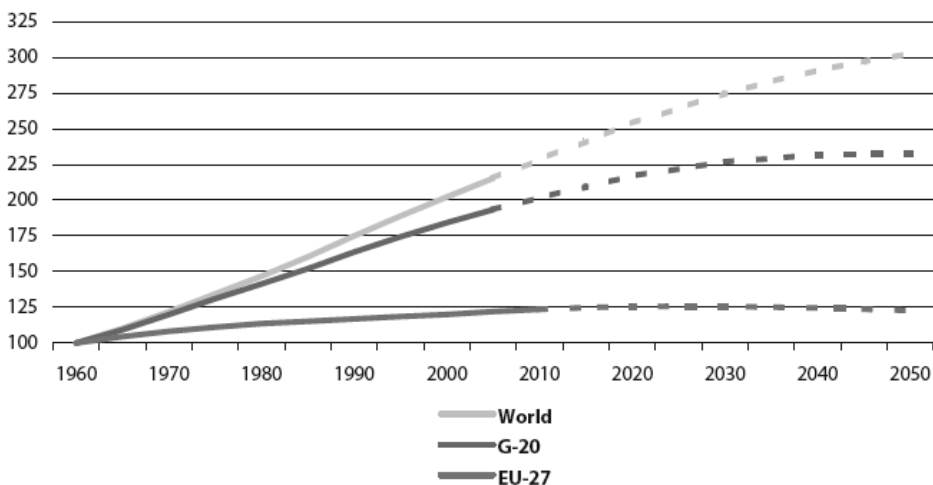

Рис. 9. Обеспокоенность населения проблемами, с которыми оно сталкивается

Figure 1.1: Population (1)

(1960=100)

(1) Population projections (UN medium variant) are shown as a dotted line.

Source: World Population Prospects: The 2008 Revision | United Nations Population Division; Eurostat (demo_pjan)

Рис. 10. Доля Европы в населении мира падает

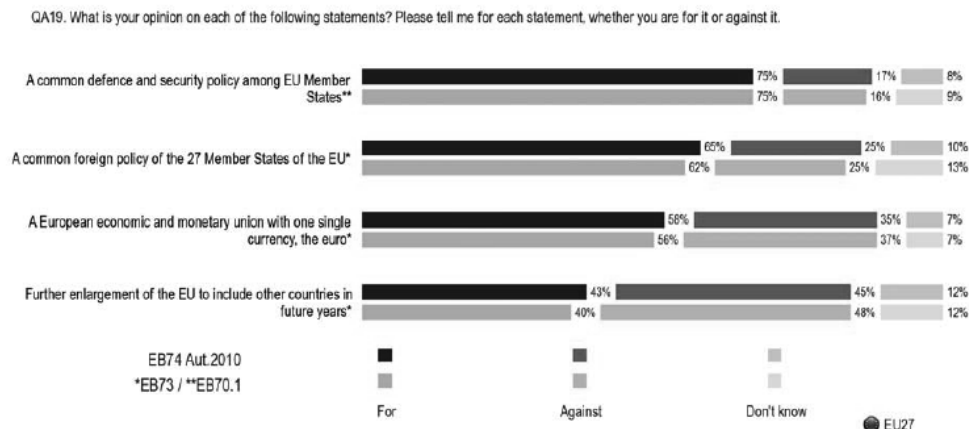

Рис. 11. Население поддерживает внешнеполитическую консолидацию Европы

Старение население ведет к тому, что доля населения ЕС в мировом масштабе неуклонно сокращается. Это неизбежно будет иметь последствия и для внешнеполитического статуса Европейского союза (рис. 10).

V. Внешнеполитические проблемы

1) Выработка единой внешней политики и ее институциональное оформление

Реальное создание единой внешней политики, с целью чего введен пост высокого представителя ЕС по внешней политике и политике безопасности (в «Конституции» — министр иностранных дел), пока остается делом будущего. Необходимость формирования хотя бы совместной внешней политики остается острой проблемой «постлиссабонской» Европы. Кстати, идеи единой внешней политики и политики безопасности имеют высокий уровень поддержки среди населения ЕС (рис. 11).

Между тем заговорить «единым голосом» для ЕС непросто: как раз в вопросах внешней политики из ЕС раздавался в лучшем случае хор, а как правило — нестройное многоголосье.

Начиная расширение на восток, ЕС исходил из формулировки Роберта Шумана: «Мы хотим единства свободной Европы не только для нас, но и для тех ны-

не угнетенных, которые, освободившись от гнета, будут стремиться к вступлению». Однако во внешней политике национальные приоритеты для «угнетенных» остались выше интересов Европы, да и в вопросах интеграции преобладает евроскептицизм. Эта слабость расширившегося ЕС использовалась другими геополитическими акторами — достаточно вспомнить риторику Дж. Буша о «новой» и «старой» Европе перед началом войны в Ираке, охотно подхваченную рядом новых членов ЕС.

Неизбежное следствие этого — образование «коалиций» или даже «осей» в актуальных вопросах внешней политики, причем не только внутри ЕС, но и с внешними государствами. Реальная консолидация Союза в вопросах внешней политики зависит не в последнюю очередь от его способности определить свое место в мире, в том числе географически.

2) Определение границ ЕС. Проблема дальнейшего расширения

Вопрос границ остается важнейшим вопросом «постлиссабонской» Европы. Кто не может провести границу между собой и окружающим пространством, не может эффективно сформировать свою субъектность в мировом политическом процессе.

Стратегии европейского единства все прошедшие десятилетия следовали (как

предлагал в свое время первый президент ЕЭС Вальтер Халльштейн) «логике интеграционных процессов». Стремясь закрепить «победу в холодной войне», Евросоюз в геополитическом броске равнулся на восток Европы. И попал в ловушку собственной политики.

Он не мог прекратить расширение, не нарушив выработанной в 90-е годы «логики интеграционных процессов», не мог отказать в четкой европейской перспективе государствам, географически принадлежащим к Европе и стремящимся в ЕС, не показав собственной идейной несостоятельности. В то же время он не мог принять эти государства и отказать в приеме Турции, верной союзнице, которую десятилетиями держали на «европейском поводке», кормя обещаниями о вступлении. Установив границы, Евросоюзу пришлось бы распрощаться с тем

имиджем, который сослужил ему добрую службу на рубеже 90-х годов. Однако, если он примет все желающие этого государства, идейная несостоятельность все равно его не минует: экономические и политические трудности, связанные с новой волной расширения, несомненно, повлекут за собой очередной общеевропейский «кризис жанра» не только на внешне-, но и на внутривнутриполитическом уровне.

VI. Нетреугольный треугольник: ЕС — США — Россия

В российской геополитике последнего времени активно ставится задача перезагрузки, однако на ее пути возникают объективные реалии. Посмотрим на треугольник ЕС — США — Россия. Его конфигурирование очень мало зависит от благих намерений. Оно объективно (табл. 1).

Таблица 1

Матрица отношений в треугольнике ЕС — США — Россия

Сфера совместных интересов и сотрудничества	Россия (1)	ЕС (2)	США (3)
Военно-стратегические отношения	1—3	2—3	3—1 3—2
Комплекс торгово-экономических отношений	1—2	2—1, 2—3	3—2
Энергетика	1—2, 1—3	2—1	3—1
Финансовое сотрудничество	1—2, 1—3	2—1, 2—3	3—1, 3—2
Цивилизационно-культурное единство	1 ?	2—3	3—2

«1—2» — наличие общности (сотрудничество и интересы)

«1 ?» — общность под вопросом

Версий конфигурации две: политикоромантическая и реалистическая. Это либо замкнутый треугольник Россия — Европа — США либо разомкнутая система отношений с учетом глобального контекста. Что более достоверно?

От ответа на этот вопрос зависят варианты поведения России:

Вариант 1. Игра не по «правилам» 90-х годов — самостоятельность, использование противоречий между США и Европой или даже попытки выстраивания

равноправного (при наличии ресурсов) сотрудничества без интеграции.

Вариант 2. Игра по «правилам» для проигравших в холодной войне — интеграция в евроатлантическое сообщество на условиях вторичности, частичное ограничение своего суверенитета, отказ от восстановления цивилизационно идентичного облика, попытки влиять на формирование повестки дня евроатлантического сообщества изнутри.

Евроатлантический вектор относится к приоритетным направлениям российской внешней политики. Более того, отношения с евроатлантическим сообществом во многом определяют внутреннюю политику и общественные настроения в России. Официальная позиция вытекает из того, что президентом Д. Медведевым поставлена задача сближения с евроатлантическим сообществом, президент считает Россию неотъемлемой частью европейской цивилизации и евроатлантического сообщества.

На протяжении 2000-х гг. российское руководство последовательно испробовало три варианта подходов к евроатлантическому сообществу.

В первый срок президентства В. Путина Россия, особенно после событий сентября 2001 г., ставила своей задачей сближение и с США, и с объединенной Европой. С ЕС — общие пространства (в экономике, правосудии, внешней безопасности, науке и образовании). С США — сближение на почве общей борьбы с терроризмом и сокращения ядерных вооружений. Попытка сближения с США выдохлась практически сразу после иракской интервенции США 2003 г., однако на небольшой период она сблизила Россию со «старой» Европой, прежде всего Францией и ФРГ. После расхождения с США в течение еще двух-трех лет Россия пыталась сблизиться с ЕС, результатом чего стало согласование дорожных карт по четырем общим пространствам в 2005 г.

Отметим, что с США Россия старалась сблизиться прежде всего в сфере безопасности, в военно-политических (Афганистан) и военно-стратегических вопросах (договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов 2002 г.). С Европой Россия пыталась договориться по другим важнейшим направлениям — торгово-экономическому и социальному (наука и образование, безвизовый режим). Иными словами, и в случае с США, и в случае с ЕС Россия

руководствовалась «объективным базисом» для установления близких отношений. Так почему же все вышло практически наоборот?

Мы полагаем, что существуют коренные причины. Так же как европейская несовместимость с цивилизацией ислама опровергла все благие ожидания мультикультурализма, разность цивилизаций России и Запада не позволит обходиться ни одной из сторон во внешней политике без ее учета.

К примеру, перезагрузка перезагрузкой с США, но военные программы США никаким образом не учитывают российских озабоченностей. Реальная американская военная доктрина исходит из представления о российской угрозе (рис. 12). И выход тут один: российская военная доктрина может быть только самостоятельной.

Начиная с 2004 г., в России нарастает разочарование в ЕС. Нарастать тренд расхождения России и ЕС стал в связи с операцией по принуждению Грузии к миру в августе 2008 г. «Вдруг» оказалось, что по целому ряду показателей Россия не вписывается в евроатлантическое сообщество. После эрозии отношений с США, в частности по проблеме ПРО, Россия получила сильный удар от евроатлантического сообщества через цветные революции и активное вмешательство европейских стран во внутреннюю политику государств постсоветского пространства.

Увеличение цен на российские ресурсные товары, прежде всего на нефть и газ в 4,5 раза с 2003 по 2008 г., привело к резкому обострению энергетических отношений между Россией и Европой. Следствием стало непродление «Соглашения о партнерстве и сотрудничестве» между ЕС и Россией и фактически замораживание конструктивных отношений со всей евробюрократией. В результате Россия попыталась перевести отношения с европейцами на национальный уровень, закрепив его энерге-

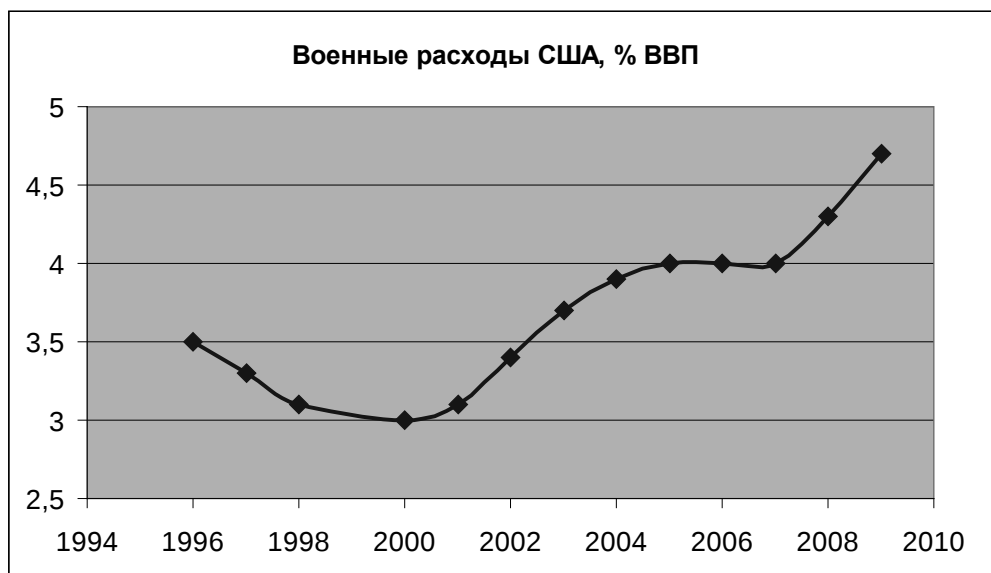

Рис. 12. Военные расходы США

тическим сотрудничеством. Однако, как показала практика, такой формат отношений имеет весьма ограниченный потенциал.

Наоборот, сотрудничество между участниками евроатлантического сообщества довольно быстро не просто реализовалось, но и приобрело новые, более тесные формы. После смены руководства Германии в 2005 г. и Франции в 2007 г. обе страны вернулись в ряд сторонников США, притом что Франция сделала беспрецедентные шаги по сближению, вернувшись в военную организацию НАТО. Россия же осталась за бортом.

Напротив, связанное с ней военно-политическое расхождение достигло максимума в 2007 г. в связи с «мюнхенской речью» В. Путина и введением Россией одностороннего моратория на ДОВСЕ. А это, по сути, были только намеки на самостоятельную внешнюю политику России. Таким образом, де-факто попытки политического сближения с Европой зависят от платы в виде самостоятельности российской внешней политики. С учетом противостояния вокруг

транспортной энергетической инфраструктуры, сложности коммуникации еще только возрастают.

Шок от кризиса, спровоцированного международным противостоянием вокруг российской операции по принуждению Грузии к миру в 2008 г., а также смена власти в США подвинули российское руководство к более активному поиску путей сближения с евроатлантикой. Как это сближение происходит?

Имеет место улучшение отношений с США, однако подобного не происходит в сфере взаимоотношений с ЕС. При этом сами США активно «возвращают» в сферу своего контроля Европу, которую они в военно-политическом отношении частично утратили в период превалирования стратегии односторонних действий президента Дж. Буша-мл.

Иными словами, США «завязывают» на себя Россию, «возвращают» Европу, но при этом отказываются формировать «полноценное» евроатлантическое сообщество с Россией как полноправным членом. Нашу страну держат, говоря прямо, на задворках — как важного, но тем не менее внешнего партнера.

США сделали ряд репутационных уступок России, перестав акцентировать внимание на критике по политической системе и правам человека, ограничив поддержку Грузии и подписав, хотя и менее выгодный России, договор СНВ-3. Напомним, что в «Стратегии национальной безопасности» Б. Обамы от мая 2010 г. Россия отнесена к числу стран, которые приоритетны в деле обеспечения интересов безопасности США в мире. В то же время США не готовы развивать с Россией ни военно-техническое, ни военно-политическое сотрудничество в глобальном измерении — все основные военно-политические интеграционные объединения остаются без России. Кроме того, США лишь замедлили наращивание своего присутствия на постсоветском пространстве, поддерживая антироссийский режим М. Саакашвили, укрепляя свое положение в Киргизии и Узбекистане, поддерживая «нейтралитет» Украины и оказывая давление на белорусское руководство. Как видим, здесь нет места иллюзиям.

Отметим, что и основные европейские, и евроатлантические интеграционные объединения или остаются вообще без России, или пребывают недееспособными. «Общие пространства», по сути, работают на минимуме, ОБСЕ — не работает, в НАТО Россия не идет, да ее там никто и не ждет, система ЕвроПРО строится без России. Даже в «Группе восьми» Россия, которая за исключением Японии представляет собой евроатлантический макрорегион, все так и не участвует в обсуждении финансовой проблематики, несмотря на «признанный» статус А.Л. Кудрина как дважды лучшего министра финансов мира.

Таким образом, все слова о сближении и перезагрузке разбиваются о реальность применения в отношении России двойных политических технологий. На публичном уровне — перезагрузка, минимальные статусно-репутационные (но не материальные и организационные)

уступки, в реальности — все то же сдерживание России.

В отношении Европы США обладают мощным комплексом интеграционных объединений, основным из которых остается военно-политическое — НАТО. Общность Европы и США проявилась еще более выпукло на фоне интервенции в Ливии, где обе стороны Атлантики выступили на параллельных курсах.

Наглядным примером того, как США способны «удушить» Россию в объятиях интеграционных, но на деле квазипроектах, являются попытки военно-технологического проектного партнерства. Еще в 90-е годы по ряду ключевых проектов российские предприятия пошли на сближение с американскими: двигатель для Ту-204СМ и для Ми-38 разрабатывала Pratt&Witney, океаническая платформа космических запусков «Морской старт» (Sea Launch) — совместно с американской Boeing. Из всех трех проектов после десятилетия «притирки» и затягивания по вине американских партнеров последние попросту вышли из них или наложили ограничения на экспорт (случай с Ту-204СМ), чем фактически почти загубили проект. В итоге американские «партнеры» выиграли время и изучили востребованные технологии.

В связи с этими примерами возникает обоснованный вопрос о том, насколько содержательным окажется российско-американское партнерство для модернизации российской экономики. Технологии и идеи какого качества придут к нам из США? Станем ли мы равноправным или так и останемся ведомым и догоняющим в лучшем случае младшим партнером, в худшем — мальчиком для битья?

Остается задаться вопросом, действительно ли искреннему сближению России и евроатлантического сообщества противостоит только «идеологическое наследие холодной войны» или причина разделения все-таки глубже? Несмотря на глобализационные про-

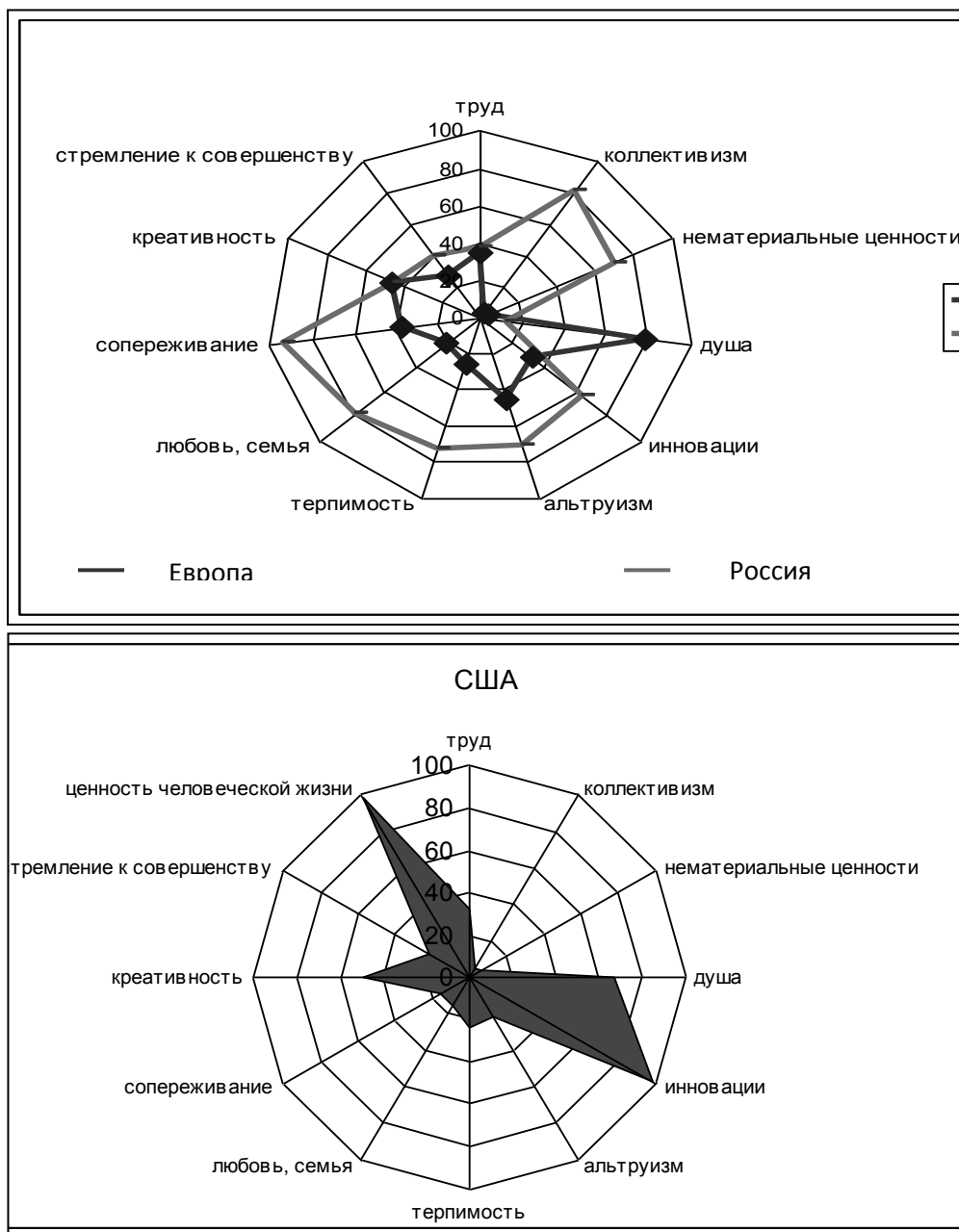

Рис. 13. Цивилизационные различия и сходства. Россия не Европа

цессы в общемировом масштабе и деци-
визационные процессы внутри самой
России, что вплоть до сих пор вело к по-
вышению однородности ценностей и мо-

делей поведения или, иными словами,
«включало» Россию в состав Евроатлан-
тики, вероятно, между нами есть суще-
ственные различия, лежащие на более

глубинном уровне. Он не исключает партнерство, но резко снижает возможности глубокой интеграции.

Если взглянуть на результаты наших исследований количественных цивилизационных портретов современных локальных цивилизаций, то вывод следует очень глубокий.

Но при этом Европа — это Америка

Если Европа и Америка соотносятся как материнская и дочерняя цивилизации (профили очень близки), то Россия не принадлежит к западной цивилизации. Россия — это самостоятельная цивилизация, и это нужно учитывать в построении доктрины Российской внешней политики в треугольнике ЕС — США — Россия.

В общем, задача выработки более точной стратегии внешней политики для России остается актуальной.

Что касается проанализированных острых проблем развития Евросоюза, то очевидно, что и ЕС, и Россия так и не используют все геополитические, экономические и иные ресурсы для гармонизации и достижения симметричности в эффективной результативности отношений двух макрорегионов.

Думается, что ключ к прорыву лежит в признании в обоих регионах (и в самой России!) и учете для формирования любых позиций в отношениях самостоятельности России как страны-цивилизации. Для официальной российской внешней политики это выглядело бы как новация.